

Российская академия наук
Институт научной информации
по общественным наукам

ЧЕЛОВЕК: ОБРАЗ И СУЩНОСТЬ. ГУМАНИТАРНЫЕ АСПЕКТЫ

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1990 года
Выходит 4 раза в год

**№ 2 (37)
2019**

В номере:

Тема номера: Семантика русскости
Рассматривается вопрос о
содержательном наполнении номинаций
«русский» / «российский» в аспекте
междисциплинарности. Исследуются
культурологическая и религиозная осно-
вы самоидентификации россиян, ценно-
стные трансформации в образе России,
исторический аспект формирования
концепта «русскость».

Учредитель
Институт научной информации по общественным наукам РАН,
Центр гуманитарных научно-информационных исследований
ИНИОН РАН

Редакция

Главный редактор: Л.В. Скворцов – д-р филос. наук

Заместители главного редактора: Л.Р. Комалова – д-р филол. наук, Г.В. Хлебников – канд. филос. наук

Ответственный секретарь: С.С. Сергеев

Редакционная коллегия: Т.Н. Красавченко – д-р филол. наук; А.В. Нагорная – д-р филол. наук; Н.Т. Пахсарьян – д-р филол. наук; Э.Б. Яковлева – д-р филол. наук; Р.С. Гранин – канд. филос. наук; О.В. Кулешова – канд. филол. наук; Е.А. Цурганова – канд. филол. наук.

Редакционный совет: В.З. Демьянков – д-р филол. наук (Россия, Москва); Х.В. Дзуцев – д-р соц. наук (Россия, Владикавказ); В.Н. Желязкова – д-р филологии (Болгария, София); И.В. Кангро – д-р филологии (Латвия, Рига); В.Е. Лепский – д-р психолог. наук (Россия, Москва); С.И. Масалова – д-р филос. наук (Россия, Ростов-на-Дону); А.Е. Махов – д-р филол. наук (Россия, Москва); Е.М. Миронеско-Белова – д-р филологии (Испания, Гранада); Л.И. Мозговой – д-р филос. наук (Украина, Славянск); Р.К. Потапова – д-р филол. наук (Россия, Москва); В.В. Потапов – д-р филол. наук (Россия, Москва); П.-Л. Талавера-Ибарра – д-р филологии (США, Остин); А.М. Гагинский – канд. филос. наук (Россия, Москва); М.Ю. Коноваленко – канд. психолог. наук (Россия, Москва); О.А. Матвейчев – канд. филос. наук (Россия, Москва); Чж. Цзыли – канд. пед. наук (Китай, Шанхай).

Ответственный редактор номера: Л.Р. Комалова – д-р филол. наук, Д.Д. Трегубова – канд. истор. наук.

Журнал «Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты»
включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

DOI: 10.31249/chel/2019.02.00

ISSN 1728-9319

© «Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты», журнал, 2019
© ФГБУН «Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук», 2019

Russian Academy of Sciences
Institute of Scientific Information
for Social Sciences

HUMAN BEING: IMAGE AND ESSENCE. HUMANITARIAN ASPECTS

SCHOLARLY JOURNAL

Published since 1990
4 issues per year

**№ 2 (37)
2019**

Theme of the issue: Semantics of Russianness

The papers in the issue explore the notion of Russianness include in the content of substantives «Russkiy» / «Rossiyskiy» within the framework of multidimensional research. The authors discuss cultural and religious basis of Russians' self-identification, transformations of values in the image of Russia, historical aspect in the notion of Russianness elaboration.

Founder
Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian
Academy of Sciences, Centre of Humanitarian Scientific
and Informational Researches

Editorials

Editor-in-chief: Lev Skvortsov – DSn in Philosophy

Deputy editors-in-chief: Liliya Komalova – DSn in Philology; Georgiy Khlebnikov – PhD in Philosophy

Executive secretary: Sergey Sergeev

Editorial board: Tatiana Krasavchenko – DSn in Philology; Alexandra Nagornaya – DSn in Philology; Nataliya Pakhsariyan – DSn in Philology; Emma Jakovleva – DSn in Philology; Roman Granin – PhD in Philosophy; Olga Kuleshova – PhD in Philology; Elena Tsurganova – PhD in Philology

International advisory board: Valery Demiankov – DSn in Philology (Russia, Moscow); Hassan Dzutsev – DSn in Sociology (Russia, Vladikavkaz); Veselka Zhelyazkova – PhD in Philology (Bulgaria, Sofia); Ilze Kangro – PhD in Philology (Latvia, Riga); Vladimir Lepsky – DSn in Psychology (Russia, Moscow); Svetlana Masalova – DSn in Philosophy (Russia, Rostov-on-Don); Aleksandr Makhov – DSn in Philology (Russia, Moscow); Elena Mironenko-Bielova – PhD in Philology (Spain, Granada); Leonid Mozgovoy – DSn in Philosophy (Ukraine, Slavyansk); Rodmunga Potapova – DSn in Philology (Russia, Moscow); Vsevolod Potapov – DSn in Philology (Russia, Moscow); Pablo-Leonardo Talavera Ibarra – PhD in Philosophy (USA, Austin); Alexej Guginsky – PhD in Philosophy (Russia, Moscow); Marina Konovalenko – PhD in Psychology (Russia, Moscow); Oleg Matveichev – PhD in Philosophy (Russia, Moscow); Zhang Zi-Li – PhD in Pedagogical Science (China, Shanghai)

Issue editors: Liliya Komalova – DSn in Philology, Dinara Tregubova – PhD in History

Journal «Human Being: Image and Essence. Humanitarian Aspects»
is indexed in the Russian Science Citation Index

DOI: 10.31249/chel/2019.02.00
ISSN 1728-9319

© «Human Being: Image and Essence. Humanitarian Aspects»,
journal, 2019

© FSBIS «Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences», 2019

СОДЕРЖАНИЕ

Русские образы в мировой художественной литературе	9
<i>Тирген П.</i> Преемственность искусств, или Чудо русской литературы. Часть 2	9
<i>Огнева Е.А.</i> Художественный формат концепта РУССКОСТЬ как когнитивной доминанты в трилогии А. Толстого «Хождение по мукам»	30
<i>Жеребин А.И., Соколова Е.В.</i> Петербург как зеркало смыслов в рассказе Франца Кафки «Приговор»	45
Русская ментальность в языке и речи	61
<i>Голощапова Т.И., Курьянова И.В.</i> Функционирование языка – зеркало нации	61
<i>Дурст-Андерсен П.В.</i> Отражение социетальной логики в использовании формы императива носителями русской лингвокультуры	73
<i>Колмогорова А.В.</i> Персонаж славянского героического эпоса «богатырь» как продуктивная идеологема русского патриотического дискурса XIX–XX вв.	98
<i>Пищальникова В.А.</i> Психологически актуальное содержание вежливости в картине мира российских студентов	120
<i>Галяшина Е.И.</i> Семантика «взятки» в русской языковой ментальности	131

Современные представления о русском и российском.....	152
<i>Мельник С.В.</i> «Национальный вопрос» в межрелигиозном диалоге	152
<i>Ядова М.А.</i> Антиномия «российское (русское) / западное» в представлениях постсоветской молодежи	170
Рецензия	181
<i>Потапов В.В.</i> Рецензия на монографию: Шмюккер-Брелоер М. Эсхатологические апокрифы в рукописной традиции: Редакция. Исследование. Иконографические параллели”	181

CONTENTS

Russian images in fiction	9
<i>Thiergen P.</i> Translatio artium oder Das Wunder der russischen Literatur. Teil 2	9
<i>Ogneva E.A.</i> The literary format of the concept RUSIANNESSE as a cognitive dominant in A. Tolstoy's trilogy «The Road to Calvary».....	30
<i>Zherebin A.I., Sokolova E.V.</i> Saint-Petersburg as a semantic lens in Kafka's story «The Judgment» («Das Urteil»)	45
Russian mentality explicated in language and speech	61
<i>Goloshchapova T.I., Kuryanova I.V.</i> Language functioning is mirror of the nation.....	61
<i>Durst-Andersen P.V.</i> The Russian imperative as a mirror of societal logic	73
<i>Kolmogorova A.V.</i> Bylina's hero <i>bogatyr</i> ' as a productive ideological concept of Russian patriotic discourse of the 19 th –20 th centuries	98
<i>Pishchalnikova V.A.</i> Psychologically relevant content of <i>politeness</i> in the picture of the world of Russian students.....	120
<i>Galyashina E.I.</i> Semantics of «bribery» in the Russian language mentality	131

Contemporary notions of ethnic and state Russianness	152
<i>Melnik S.V.</i> Ethnicity and interreligious dialogue.....	152
<i>Yadova M.A.</i> The antinomy «Russian / Western» in the representations of post-Soviet youth.....	170
Reviews.....	181
<i>Potapov V.V.</i> Review of the monography of «Schmücker- Breloer M. Eschatologische Apokryphen in der russischen handschriftlichen Tradition: Edition. Untersuchung. Ikonographische Parallelen»	181

УДК: 821.112.2

Жеребин А.И.¹⁾, Соколова Е.В.²⁾

**ПЕТЕРБУРГ КАК ЗЕРКАЛО СМЫСЛОВ
В РАССКАЗЕ ФРАНЦА КАФКИ «ПРИГОВОР»^{1,2}**

*1) Российский государственный педагогический
университет им. А.И. Герцена,*

Санкт-Петербург, Россия, zerebin@mail.ru,

2) Институт научной информации

по общественным наукам РАН,

Москва, Россия, lizak2000@mail.ru

Аннотация. Статья вписывает рассказ Франца Кафки «Приговор» (1912) в контекст «петербургского мифа» русской литературы. Высказанные писателем в дневниках и письмах соображения о природе скрытых в рассказе смыслов авторы статьи применяют к образной системе, фабуле, именам персонажей этого рассказа, руководствуясь принципами «катахретической логики» (И.П. Смирнов), и выявляют новые возможные смыслы. Соотнесенные с психоаналитическими подходами и моделями З. Фрейда, эти смыслы, в свою очередь, позволяют обнаружить определенные «оптические» свойства Петербурга как «семантической линзы» в рассказе Кафки.

Ключевые слова: «Петербургский миф» русской литературы; европейский экспрессионизм; психоанализ в литературе; Франц Кафка; «Приговор» Ф. Кафки; семантизация имен; катахреза.

Поступила: 17.12.2018

Принята к печати: 15.01.2019

---

¹ © А.И. Жеребин, Е.В. Соколова, 2019.

² Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 16-24-49005-ОГН.

Zherebin A.I.¹⁾, Sokolova E.V.²⁾
Saint-Petersburg as a semantic lens
in Kafka's story «The Judgment» («Das Urteil»)

¹⁾ *The Herzen State Pedagogical University of Russia,
Saint-Petersburg, Russia, zerebin@mail.ru*

²⁾ *Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, lizak2000@mail.ru*

Abstract. The article incorporates Kafka's short story «The Judgement» (1912) into the context of «the Petersburg Myth» of Russian literature. Following Kafka's own observations on the possible nature of hidden senses in «The Judgement» (mentioned in his «Diaries» and «Letters to Felice»), the authors apply the principles of «catachretical logic» (Igor Smirnov) to the figurative system, plot and personal names in the story and reveal some new meanings leading to new possible interpretations. These new meanings brought into correlation with psychoanalytical approaches and models enable them to discover some «optical properties» of St. Petersburg as a «semantic lens» in the story of Franz Kafka.

Keywords: «The Petersburg Myth» of Russian literature; European expressionism; psychoanalysis in literature; Franz Kafka; Kafka's «The Judgement»; semantization of personal names; catachresis.

Received: 17.12.2018

Accepted: 15.01.2019

В сентябре 1912 г. «одним духом в ночь с 22 на 23, с десяти часов вечера до шести часов утра» [Кафка, 1998, с. 166] Франц Кафка написал свой знаменитый рассказ «Приговор» («Das Urteil»), в котором многое оказалось загадочным для него самого. Во всяком случае даже несколько месяцев спустя, 2 июня 1913 г., он писал своей невесте Фелице Бауэр: «Видишь ли ты в “Приговоре” какой-нибудь смысл, я хочу сказать, прозрачный и целостный смысл? Я такого не нахожу и объяснить ничего не могу. Но все же в нем много примечательного» [Kafka, 1976, S. 394]¹.

Загадочность, внутреннюю противоречивость, зашифрованность текстов Кафки отмечает почти каждый исследователь, взявшийся за его произведения, включая и Теодора Адорно, писавшего в «Заметках о Кафке»: «Каждая его фраза просит: расшифруй меня, только ни у кого не хватает терпения» [Adorno, 1977, Bd. 10.1].

Исследователь русского авангарда И.П. Смирнов в работе [Смирнов, 2000] показал, что в основе поэзии русского авангарда

---

¹ Ср.: «Приговор объяснить нельзя» в письме от 10.06.1913 [Kafka, 1976, S. 396].

лежит принцип «семантической катахрезы», который восходит к соответствующей риторической фигуре барокко, а в авангардистских текстах начала XX в. служит для выражения отчужденности как экзистенциального состояния, отражающего феномен отчуждения (*Entfremdung*). Катахреза – в разных вариантах – высвобождает лексические значения слов из контекстов общепринятого употребления и сталкивает их. Особенно эффективна она как прием там, где требуется привести в движение автоматические языковые структуры, расшатать устойчивые представления, взломать господствующий символический порядок.

Так «работает» и текст Кафки. Его тексты, включая «Приговор», свидетельствуют о неведомом непостижимом законе, которому подчиняешься, даже если не веришь в него. И катахреза у него – способ обнажить ложность общепринятой логики, расчислить дорожку для логики другой – парадоксальной, – из-за плеча которой, возможно, покажется истина.

На повествовательном уровне в рассказе «Приговор» действие катахретической логики прослеживается, например, в развертывании мотива «петербургского друга». Само существование живущего в Петербурге друга главного героя (молодого коммерсанта по имени Георг Бендеман) в начале рассказа утверждается, позднее подвергается сомнению, а вскоре уже отрицается, – и в результате к концу «друг» оказывается в гораздо более сильной позиции по отношению к Георгу, чем был в начале.

«У тебя действительно есть друг в Петербурге?» [Кафка, 1991, с. 287], – спрашивает отец Георга, впервые привнося сомнение в существовании друга, и вскоре уже утверждает: «У тебя нет друга в Петербурге» [там же, с. 288], а потом неожиданно заявляет: «Да, я прекрасно знаю твоего друга. Такой сын, как он, был бы мне по сердцу» [там же, с. 289]. Далее следует признание: «Я был его заступником здесь, в нашем городе» [там же, с. 290] «...и с твоим другом мы отлично договорились, вся твоя клиентура у меня... в кармане!» [там же], причем «твои письма он, не читая, бросает в корзину, а мои читает и перечитывает!» [там же, с. 291]. Вся эта совершенно не обоснованная как будто метаморфоза укладывается в три с половиной страницы текста.

В контексте последующих предложений значение фразы «У тебя нет друга в Петербурге» сдвигается. Речь уже не о том, что человека, которого Георг считает своим другом, не существует,

но что этот живущий в Петербурге человек, вовсе ему не друг, а даже напротив – враг, напрямую связанный к тому же с отцом.

Парадоксальным образом рассказ, начавшийся с написания Георгом письма петербургскому другу, заканчивается вынесением ему самому отцовского приговора, причем напряжение между двумя главными событиями кажется абсолютно немотивированным, пока не разберешься, каким образом одно связано с другим и в каком вообще смысле приговор может «отменить» письмо.

Текст Кафки в целом вызывает к «бережному и тонкому истолкованию» [Moretti, 2016, S. 32], подобно священным текстам, в основании которых, с одной стороны, лежит доверие к очевидному, а с другой – параболлизация, рождающая потребность в интерпретации. Адресуя Фелице Бауэр вопрос о «смысле» рассказа «Приговор», Кафка делает явное различие между «прозрачным» и «непрозрачным» его смыслами, утверждая к тому же, что сам он «прозрачного смысла» не видит, но тем настойчивее устремляется на поиски «смысла непрозрачного», увлекая за собой неисчислимы́х исследователей. Ориентирами в поисках ему служат, в частности, «катахретически» расщепленные имена персонажей, явным образом проецируемые писателем на собственную жизненную ситуацию.

Дневниковая запись от 11 февраля 1913 г., целиком посвященная рассказу «Приговор», содержит такие наблюдения: «Имя “Георг” имеет столько же букв, сколько “Франц”. В фамилии “Бендеман” окончание “ман” лишь усиление “Бенде”, предпринятое для выявления всех скрытых еще возможностей рассказа. “Бенде” имеет столько же букв, сколько “Кафка”, и буква “е” расположена на тех же местах, что и “а” в “Кафка”. “Фрида” (Friede) имеет столько же букв, что и “Фелица” (Felice). И ту же начальную букву. Бранденфельд начинается с той же буквы, что и Бауэр, и “фельд” – тоже значимое слово» [Кафка, 1998, с. 168].

Те же мысли четыре месяца спустя изложены в письме к Фелице Бауэр от 02 июня 1913 г., с некоторыми даже дополнениями: «В имени Фрида столько же букв, сколько в Фелице, да и начинаются они с одной буквы, к тому же латинское “счастье” (felicitas) недалеко ушло от немецкого “мира” (Frieden). Бранденфельд благодаря аграрному корню “фельд”¹ имеет отношение к крестьян-

---

¹ Нем.: das Feld – поле, пашня.

ской фамилии “Бауэр”¹ и оснащено той же начальной буквой. И подобных совпадений еще несколько, все это, конечно, вещи, которые я обнаружил лишь задним числом»² [Кафка, 2018 – эл. ресурс].

Продолжая предпринятое Кафкой «задним числом» погружение в «непрозрачные смыслы» рассказа с опорой на семантико-фонетические ориентиры, скрытые в именах персонажей, можно предположить, например, следующее. В сочетании имени и фамилии Фриды Бранденфельд (Friede Brandenfелд³) зашифрована возможность привнесения «мира» и «радости» на «поле» «пожаров» и «бурь», сражений и революций, а под именем самого Георга Бендемана (Georg⁴ Bendeman) скрывается одновременно потенциальный победитель «трехглавого дракона» (о котором ниже) и «маленький человек», не имеющий ничего своего – bende (турецк.: «я тоже»), – и нуждающийся поэтому в «усилении» со стороны «ман» – Mann (нем.: «мужчина»), на что указывает сам Кафка, даже дважды: один раз в дневниковой записи от 11.02.1913⁵, второй – все в том же письме к Фелице от 02.06.1913⁶. Осцилляция образа Георга Бендемана между названными полюсами, как далее станет ясно, в значительной степени составляет содержание рассказа.

Упомянутого выше «трехглавого дракона», способностью победить которого, по-видимому, обладает Георг, можно попытаться «извлечь» из его «родового» – отцовского – имени: Bendeman. И хотя само слово «bende» в немецком языке не имеет лекси-

---

¹ Нем.: der Bauer – крестьянин.

² Здесь и далее «Письма к Фелице» цитируются на русском языке в переводе М.Л. Рудницкого.

³ Friede как Frieden (нем.: «мир») и Freude (нем.: «радость»); Brandenfелд как Brand (нем.: «пожар, горение, обжиг») и branden (нем.: «биться, бушевать, разбиваться (о волнах)») и Feld (нем.: «поле», «пашня»; «поле сражения»).

⁴ Имя Georg недвусмысленно отсылает к св. Георгию. Примечательно, что св. Георгий в сражениях с разнообразными драконами в контексте европейской культуры – один из ключевых мотивов В.Г. Зебальда в «Головокружениях» [Sebald, 1994], где другим таким лейтмотивом становится фигура Франца Кафки, тексты и события его частной жизни в 1913 г. – т.е. в год первой публикации «Приговора».

⁵ «В фамилии “Бендеман” окончание “ман” – лишь усиление “Бенде”, предпринятое для выявления всех скрытых еще возможностей рассказа» [Кафка, 1998, с. 168].

⁶ «...А сугубо мужское “ман” придано из сострадания, чтобы этого несчастного Бенде поддержать и укрепить в его борьбе» [Кафка, 2018 – эл. ресурс].

ческих значений, омофонически оно отсылает к Bände (r) – формам множественного числа нескольких разных слов. Выделив (1) Bände как «заливные луга» (pl. от die Bänd – луг на берегу реки, подверженный затоплению); (2) Bänder как «связки», «лямки» или «петли» (pl. от «das Band» – лента; связка; лямка; петля) и (3) Bände как «книжные тома» (pl. от «der Band» – том, переплет), мы получим «трехслойный» комплекс значений, соотносимый с тремя главными уровнями человеческого бытия: 1) уровнем индивидуальной сущности и судьбы, 2) социальных связей и 3) высшей духовности. Значение (3) через ассоциацию с «книжной ученостью» дает отсылку к Ветхому Завету; (2) указывает на разные типы связанности с другими людьми; (1) намекает на то, что Фрида Бранденфельд («мир» на бушующем «поле брани») и Георг Бендеман («способный победить дракона» «человек заливного луга»), в сущности, подходят друг другу как соприродные в основе своей «луг» и «поле». И лишь в силу автоматической (несознаваемой) приверженности устаревшему «доисторическому» принципу – Ur-teil¹, – носителем которого, похоже, выступает в рассказе отец, – брак не реализуется, и «человек заливного луга» исполняет изначально предназначенную ему судьбу – «быть залитым рекой».

Из неисчерпаемого «непрозрачного смысла» рассказа можно извлечь также приглашение читать «Приговор» как «петербургскую повесть», вписывая его тем самым в «петербургский текст» – хорошо изученный в отечественном литературоведении мифопорождающий культурный контекст, восходящий к «Медному всаднику» Пушкина и «Петербургским повестям» Гоголя.

В начале рассказа сообщается, что Георг Бендеман только что закончил письмо к другу юности, находящемуся сейчас за границей. Про друга сказано, что тот, «не довольный тем, как у него шли дела на родине», несколько лет назад «форменным образом сбежал в Россию» [Кафка, 1991, с. 282] и теперь ведет «торговое дело в Петербурге, которое вначале пошло очень хорошо, но за последние годы как будто разладилось» [там же], причиной чему

---

¹ Ur-teil здесь – омоним заглавия рассказа, который по-немецки называется «Das Urteil» = «Приговор», при этом приставка «Ur» имеет в немецком языке значение древности, первоисточка, доисторического прообраза или предка, а «der Teil» означает «часть». Все слово целиком – Der Urteil – может быть прочитано и как «первичная (исходная) часть» (напр., в физике: der Urteilchen – первичная частица).

названо «очень неопределенное политическое положение» в России [Кафка, 1991, с. 283]. Здоровье друга там ухудшилось: «нездоровая желтизна» «знакомого с детства лица» «наводила на мысль о развивающейся болезни» [там же, с. 282]; чувствовал он себя одиноким и покинутым, к тому же, говоря словами из дневниковой записи Кафки от 11 февраля 1913 г., «во власти русских революций» [Кафка, 1998, с. 168].

Но этот друг юности Георга – отнюдь не обычный второстепенный персонаж. В рассказе Кафки развернут эдипов конфликт сына и отца – тема, чрезвычайно значимая для экспрессионизма в целом. И друг – «вряд ли реальное лицо, скорее, возможно, это нечто общее, что присуще отцу и Георгу», «а перемены в образе друга, быть может, в преломленной перспективе отражают перемены в отношениях между сыном и отцом. Но и в этом я не уверен» [Кафка, 2018 – эл. ресурс], – пишет Кафка Фелице. В дневнике его сказано также, что друг – «связь между отцом и сыном», «их самая большая общность» [Кафка, 1998, с. 168]. Хотя, кажется, странно называть «общностью» такие отношения между отцом и сыном, которые в конце концов оборачиваются смертным приговором сыну со стороны отца: «Я приговариваю тебя к казни – казни водой!» [Кафка, 1991, с. 291]. Да и реакция сына на приговор обескураживает, поскольку идет вразрез с его же позицией во время предшествовавшей ссоры: сын в тот же миг выбегает из комнаты и незамедлительно приводит приговор отца в исполнение, бросившись с моста в реку. А между письмом в начале и приговором и «казнью» в конце, подобно центральной оси, разворачивается разговор между отцом и сыном о друге в Петербурге, превращая, таким образом, этого друга в «главную, коронную загадку текста» [Matt, 1997, S. 251].

Нынешнее местожительство друга – Петербург – город в чужой стране, где поиски счастья и самореализации оказались напрасны, более того, обернулись потерей уверенности и нанесли ущерб самой его жизни. Почему же именно Петербург? Среди причин болезни и депрессии петербургского друга Кафка указывает жизнь на чужбине, изоляцию, но еще – и даже прежде всего – разлад в делах, связываемый с русской революцией. Петербург, таким образом, наделяется значением «революционного города» – что, как известно, не лишено оснований.

Действительно, Петербург к этому времени – город двух революций, на чем и основывается двойная кодировка его в «петербургском тексте» русской литературы. Первая – петровские реформы – «революция сверху»: триумф Просвещения, обещание рая на земле. Это обещание обладало огромной притягательной силой для европейцев, которые, правда, приехав в Россию, чаще всего чувствовали себя обманутыми, брошенными на произвол русского деспотизма, лишь слегка замаскированного идеями Просвещения. Показательный пример – Якоб Ленц (1751–1792), друг юности Гёте, чья безумная попытка повторить головокружительную веймарскую карьеру последнего в России бесславно провалилась: он умер в одиночестве и бедности, был найден мертвым на улице. В качестве противоположного примера часто называют другого друга юности Гёте – Фридриха Максимилиана фон Клингера (1752–1831). Он также отправился в Петербург, где, сумев все же стать генерал-лейтенантом российской армии, возглавил кадетский корпус. Но и ему принадлежат горькие строки о русской реальности, о том, сколь обманчив свет российского Просвещения.

Упоминания о Ленце и Клингере, казалось бы, уводящие в сторону от темы, на самом деле продолжают ее развитие. И не потому только, что образ друга юности из рассказа Кафки в разных смыслах созвучен с их судьбами, но и в связи с недавней статьей Л. Блюма [Blum, 2017], вписывающей «Приговор» с его главными мотивами отцеубийства и «революции сыновей» в современную рецепцию Гёте. Автор статьи убежден, что Кафка, работая над рассказом, не мог не думать о величественной и властной фигуре немецкой культурной истории – Гёте. Таким образом, друзья юности последнего, Ленц и Клингер, совершенно уместны в данном контексте, поскольку связывают оба названных выше мотива с Россией и Петербургом.

Результаты русской «революции сверху» – квазипросвещенная империя и Петербург в качестве столицы Просвещения – с самого начала воспринимались неоднозначно. Наряду с гордым титулом «Петра творенье» где-то у границ восхваляющего дискурса почти сразу сформировался противоположный по смыслу комплекс представлений, интерпретирующий Петербург как искушение Антихриста, «вавилонскую блудницу» – богопротивное и враждебное земле русской иллюзорное порождение надменного разума. Этот миф, достаточно широко распространенный уже в XVIII в., нередко

находил выражение в культуре через «мотивы патологического» – болезнь, безумие, смерть. «Сюда, значит, приезжают, чтоб жить, я-то думал, здесь умирают» [Рильке, 2000, с. 5], – начинает первое письмо Мальте Лаурдис Бригге у Р.М. Рильке, имея в виду Париж. Но эти слова как нельзя лучше подошли бы и Петербургу.

Вторая петербургская революция, «революция снизу», исподволь вызревавшая в глубинах социума, окончательно утвердила взгляд на имперский Петербург как на заколдованный – проклятый – антипод остальной России и провозгласила период его двухвекового господства эпохой внутренней колонизации русского народа. «Революция снизу» надлежало стать апокалипсисом, который положит конец Петербургу и петербургскому периоду русской истории. В год ее победы, 1918, столица России была перенесена в Москву.

Но и сама по себе эта «революция снизу» являла собой типичный «петербургский феномен», осуществление «петербургского мифа»: акт самоупразднения по собственному приговору. В процессе вызревания и становления ее в разных слоях общества, примерно с середины XIX в., в реальности и фантазмагории Петербурга все чаще разворачиваются драмы болезни и смерти. Из текстов такого рода общеизвестно, например, стихотворение Осипа Мандельштама, написанное за год до победы большевистской революции в 1916 г.: *В Петрополе прозрачном мы умрем, / Где властвует над нами Прозерпина. / Мы в каждом вздохе смертный воздух пьем, / И каждый час нам смертная година.* Впоследствии его переведет на немецкий язык Пауль Целан.

Чтобы прояснить значения «революции сверху» и «революции снизу», нужны разные метафоры. Первую олицетворяют роскошные классицистические архитектурные ансамбли и виды, цитирующие обобщенную европейскую столицу и воплощающие собой гармонию. По замечанию Бориса Гройса [Groys, 1995, S. 171], они распознаются западной интеллигенцией как свои. Этому культурному пейзажу «революция снизу» противопоставляет природный пейзаж романтизма – пророческие образы грядущей природной катастрофы, гибельного апокалиптического наводнения, смывающего без следа греховный Петербург-Вавилон во всей его парадной роскоши. Ложная вселенная – результат первой революции – вновь погрузится в хаос, метафорически представленный непокорным морем и реками города. Но сам хаос ока-

зывается в то же время – как и вообще в романтизме – стихией творческой, обращенной в будущее.

В качестве возможной основы для сопоставления рассказа Кафки с «петербургским текстом» в голову приходит теоретическая интерпретация Зигмундом Фрейдом конфликта между отцом и сыном в модели Эдипова комплекса. Запись в дневнике Кафки от 23 сентября 1912 г., на следующий день после ночи, в которую был написан «Приговор», содержит соответствующее указание: «Множество испытанных во время письма чувств... разумеется, мысли о Фрейде...» [Кафка, 1998, с. 166–167]. Мысли о Фрейде позднее посещали и множество интерпретаторов рассказа.

Эдипова драма легко обнаруживается в тексте. Сын, Георг, по-видимому, намеревается захватить власть отца – не только в их общем торговом деле, но и в частной жизни. Постаревший отец, напротив, утратил былое могущество, что выражается потерей жены, которая недавно умерла.

Для осуществления «захвата власти» Георгу остается лишь убедить себя самого, что собственная жизнь у него под контролем, что, в противоположность «сбежавшему» в Петербург другу, он прошел проверку. И свидетельством успеха – наряду с процветающим бизнесом – является невеста, «девушка из состоятельной семьи» [Кафка, 1991, с. 284], с которой он помолвлен: «фройляйн Фрида Бранденфельд». Опираясь на предложенную выше семантизацию имен, можно предположить, что брак с Фридой не только потенциально удачен («луг» и «поле» подходят друг другу) и открывает Георгу доступ к высокой энергии («сражений», «пожаров» и «бурь»), необходимой для «победы над драконом», но и может избавить его от угрожающей ему роковой гибели – «быть затопленным рекой», – поскольку «пожар» противоположен «потопу».

Прочтения с опорой на психоанализ подталкивают, правда, к интерпретации невесты и умершей матери Георга как одного, расщепленного надвое, персонажа: среди защитных механизмов человеческой психики Фрейд описывает и расщепление личности, продуцирующее двойников. В хронологии сюжета невеста появляется тогда, когда мать уже исчезла. С матерью она связана по принципу контраста и через общую функцию – подтверждение власти соответствующего мужского персонажа. С точки зрения отца, его супруга – мать Георга – святая, тогда как невеста сына –

потаскуха, «мерзкая баба» [Кафка, 1991, с. 289], с которой тот «осквернил память матери» [там же, с. 290].

Аналогичным образом текст дает основания предполагать, что в образе петербургского друга выведен «двойник» Георга Бендемана, «отщепленный» от его личности в момент важного жизненного выбора, так и не ставшего окончательным: где искать пути самореализации – в «немецком захолустье» рядом с отцом или в революционном Петербурге? Отправленный на чужбину «друг» воплощает тем самым альтернативу, от которой Георг так окончательно и не отказался и к которой с тех пор приковано его напряженное внимание – ценой отвлечения от «здесь и сейчас». Теперь для него настал момент следующего жизненного выбора: жениться или не жениться. Нынешний выбор в чем-то аналогичен предыдущему: если в тот раз речь шла о возможности освоения «чужбины» во внешнем мире, что требует много энергии, то теперь речь также идет о масштабном расширении мира, только внутреннего, – за счет присоединения к нему «чужой» части: внутреннего мира невесты. Немотивированная, на первый взгляд, концовка рассказа в таком прочтении показывает, что из-за наличия «отщепленного» двойника в далеком Петербурге, который к тому же «отказывается» вернуться: даже на свадьбу, скорее всего, не придет, Георгу не хватает энергии на новый жизненный выбор. Косвенно свидетельствует об этом и предшествующая развязке «энергозатратная» ссора с отцом, и непреодолимое влечение к воде, в мифах и сновидениях символически олицетворяющей первичную энергию, стихию, рождающую все сущее, и потому способную восстановить его нарушенный энергетический статус. Не случайно отец в рассказе произносит: «Да, я прекрасно знаю твоего друга. Такой сын, как он, был бы мне по сердцу» [там же, с. 289], прямо отдавая предпочтение «прошлому» – задолго до нынешней помолвки – состоянию самого Георга.

Все это подкрепляет психоаналитическое прочтение рассказа Кафки как «эдипальной драмы» («драмы Гамлета» или братьев Карамазовых, которые в данном контексте исследовал сам Фрейд), открывая выходы также и в социальное измерение, а через него – в религиозное.

По поводу мировосприятия авангарда И.П. Смирнов писал: «Для катахретического мировидения характерно обращение к таким актантным парам, которые образуются за счет противопостав-

ления двух исключительных социальных позиций (типа: царь / раб), потому перестройка социума мыслится авангардом в виде захвата власти отверженным» [Смирнов, 2000, с. 109]. Захват власти сыном на этих уровнях равнозначен социально-политической или, соответственно, метафизической революции. Изоморфные друг другу представления – отец в семействе, царь в государстве, бог в мироздании – отражают три ступени абсолютистской иерархии, привычные для человека. Распространение мотива отцеубийства на отцовский принцип вообще, на деспотический социальный порядок, ветхозаветного Бога Отца представляло собой, как известно, одну из характерных для экспрессионизма тем [Psychoanalyse in der literarischen Moderne, 2006, S. 24–38]. Тему восстания против отца, чья власть в окружающем мире неизмеримо велика, против его могущества и авторитета, раскрывают, к примеру, драма Вальтера Газенклевера «Сын» (1914), «Убийство отца» (1920) Арнольда Броннена, рассказ Франца Верфеля «Не убийца, убитый виноват» (1920).

Фрейд и сам в опубликованной впервые в 1913 г. книге «Тотем и табу» исследует описанное «расслоение» эдипального конфликта на примере так называемой «первобытной орды» (Urhorde). Согласно Фрейду, в доисторической жизни человечества отец господствовал над племенем, единолично владея всеми женщинами и потомством, подобно «старшему самцу» из исследований Дж. Аткинсона о социальном устройстве у высших приматов. В какой-то момент ущемленные в правах сыновья собрались вместе, убили деспота-отца и съели его, устроив ритуальное пиршество. Такого рода структура обнаруживается в основе «первородного греха», самых разных религиозных ритуалов и даже всей парадигмы мировой истории, вновь и вновь воспроизводящей один и тот же образец «эдиповых» взаимоотношений: восстание против деспотичного отца, отцеубийство, захват власти взбунтовавшимися сыновьями и последующая их анархическая свобода, сопровождаемая постепенным нарастанием вины, сожаления и, наконец, раскаяние и сакрализация убитого.

«Милые мои родители, и все-таки я любил вас» [Кафка, 1991, с. 292], – таковы последние слова Георга перед добровольным «падением» с моста в реку во исполнение отцовского приговора. На связь с революцией, вернее, с тем, что за семейной драмой угадывается мировая история, отчетливо указывает изначальная авторская

интенция Кафки, в процессе написания рассказа претерпевшая непостижимое превращение. Как писал он Фелице, ему хотелось тогда «описать некую войну; молодой человек, глядя в окно, должен был увидеть на мосту подступающую толпу, и тут вдруг у меня под руками все перевернулось» [Кафка, 2018 – эл. ресурс].

В самом начале рассказа Георг Бендеман, «облокотясь на письменный стол», смотрит «в окно на реку, мост», размышляя, можно ли отослать только что написанное письмо другу юности в Петербург, где тот проживает сейчас в ощущении нависшей над ним угрозы русской революции. Можно ли в принципе отправить другу в нынешнем его положении письмо, рассказывающее о коммерческих успехах Георга и его удачной помолвке? Ведь такое письмо может еще усилить у того ощущение, насколько несчастен он в своем Петербурге – в одиночестве, на чужбине, под гнетом надвигающейся революции.

Решение все-таки отослать письмо Георг принимает благодаря невесте, которая, зайдя ненадолго к нему, говорит странную вещь: «Если твои друзья таковы, то тебе, Георг, вообще не следовало бы жениться» [Кафка, 1991, с. 285]. Звучит как-то уж слишком преувеличенно, однако, кажется, подтверждает, что помолвка сына, которая должна утвердить его самостоятельность, есть не что иное, как революция против отца и тем самым соотносится напрямую с русской революцией в Петербурге, идентична ей. А если друг не сможет порадоваться помолвке Георга, если он уже видит себя среди пострадавших от революции, то никакой он не друг, а враг: предатель, контрреволюционер, отцовский прихвостень. Все это прямо высказывает и сам отец во время последующей ссоры: не Георг, а друг был бы ему «по сердцу» [там же, с. 289], с ним состоит он, мол, в секретной переписке и является его, друга, представителем на родине. То есть контрреволюционный заговор налицо. И Фрида, невеста Георга, в этом как будто не сомневается – приведенные выше ее слова означают, по сути: или мы, революция, или отец вместе с другом, их устаревшая власть, которая ненавидит революцию, дрожит перед ней от страха.

Сомнения Георга, стоит ли отправлять письмо другу, отражают, таким образом, моральные терзания революционера по поводу предстоящего убийства отца и тирана. И все же Георг чувствует себя в силах разрушить традиционный символический порядок и занять властную позицию отца. Поговорив с Фридой, он

идет в спальню к отцу, все еще надеясь на мирную передачу власти: «Я, собственно, пришел только затем, чтобы сказать тебе, ...что все же написал сегодня в Петербург о моей помолвке» [Кафка, 1991, с. 286]. В надежде на то, что отец подтвердит достижения Георга, признаёт низвержение собственной власти и согласится, что отныне вся ее полнота принадлежит Георгу. Однако возможность мирной революции разбивается о нежелание отца отказаться от властных полномочий. Между отцом и сыном начинается «гражданская война» не на жизнь, а на смерть: разговор, перерастающий в ссору, описание которого составляет содержание большей части рассказа, и из которого вырастает приговор. При этом главным предметом разговора (ссоры), в сущности, остается петербургский друг.

Конец рассказа важен, поскольку обнаруживает базовую структуру искупления, действующую и в рамках петербургского мифа. Едва лишь отцовский приговор «отменил» содержание и смысл письма (вместо того, чтобы утвердить), Георг немедленно подчиняется, совершая самоубийство со словами: «Милые мои родители, и все-таки я любил вас» [там же, с. 292]. То есть принимает смерть со словами любви на устах, переступая тем самым границу трансцендентного – отменяя борьбу за власть и превращая ее в деяние любви, преодолевающее смерть.

«Его непреодолимо влекло к реке», – одно из главных предложений концовки рассказа. В Средние века утоплением казнили бесноватых и ведьм. Согласно пророчеству «петербургского мифа», вода затопит и проклятый Петербург, причем за взбунтовавшимся морем сохраняется роль метафоры революции. Но в мифах, как и в сновидениях, погружение в воду символизирует не смерть, а рождение. Фрейд пишет в десятой лекции «Введения в психоанализ»: «Рождение в сновидении постоянно выражается отношением к воде; бросаться в воду или выходить из нее означает: родиться или родиться» [Фрейд, 1990, с. 100].

Здесь различима, конечно, и ментальная модель второго – духовного – рождения из христианской агиографии, о чем косвенно свидетельствует обращение в этом месте Фрейда к исследованию его ученика Отто Ранка, которому теологическое движение мысли давалось гораздо легче, чем самому Фрейду.

И когда, устремившись уже к реке ради наискорейшего исполнения над собой отцовского приговора, Георг на бегу встречает

служанку, та восклицает: «Господи Иисусе!» [Кафка, 1991, с. 292], словно опознав в нем Сына Божиего.

Список литературы

- Кафка Ф. Приговор / Пер. с нем. И. Татариновой // Кафка Ф. Замок: Роман; Новеллы и притчи; Письмо отцу; Письма Милене / Пер. с нем.; авт. предисл. Д. Затонский. – М.: Политиздат, 1991. – С. 282–292.
- Кафка Ф. Дневники / Пер. с нем. Е. Кацевой. – М.: Аграф, 1998. – 448 с.
- Кафка Ф. Письма к Фелиции / Пер. с нем. М.Л. Рудницкого. – СПб.: Пальмира, 2018. – 543 с. – Режим доступа: <https://www.litmir.me/br/?b=12887&p=61> (дата обращения: 06.12.2018).
- Рильке Р.М. Записки Мальте Лаурдиса Бригге: Роман / Пер. с нем. Е. Суриц. – СПб.: Азбука, 2000. – 220 с.
- Смирнов И.П. Мегаистория. К исторической типологии культуры. – М.: Аграф, 2000. – 544 с.
- Фрейд З. Введение в психоанализ: Лекции. – М.: Наука, 1990. – 456 с.
- Adorno T.W. Aufzeichnungen zu Kafka // Adorno T.W. Prismen. Kulturkritik und Gesellschaft. – Frankfurt a. M., 1977. – Bd. 10.1. – S. 255–273. – Mode of access: <https://ru.scribd.com/doc/80494294/Adorno-Aufzeichnungen-zu-Kafka-GS10-1> (Дата обращения: 01.12.2018).
- Blum L. «Ein Sohn nach meinem Herzen». Kafkas *Das Urteil* im Diskursfeld der zeitgenössischen Goethe – Nachfolge // Kafkas Urteil und die Literaturtheorie. Zehn Modellenanalysen / von Jahraus O., Neihaus S. (Hrsg.). – Stuttgart: Reclam, 2017. – S. 176–196.
- Groys B. St-Petersburg – Petrograd – Leningrad // Groys B. Erfindung Russlands. – München: Hanser, 1995. – S. 167–179.
- Kafka F. Briefe an Felice und andere Korrespondenz aus der Verlobungszeit / von E. Heller, J. Born (Hrsg.). – Frankfurt a. M.: Fischer, 1976. – 782 S.
- Matt P., von. Verkommene Söhne, missratene Töchter. Familiendesaster in der Literatur. – München, 1997. – 392 S.
- Moretti F. Distant Reading / Aus dem Englischen von Ch. Preis. – Konstanz: Konstanz univ. press, 2016. – 220 S.
- Psychoanalyse in der literarischen Moderne. Eine Dokumentation / Anz Th., von, Pohlmann O. (Hrsg.). – Marburg, 2006. – Bd. 1: Einleitung und Wiener Moderne. – 361 S.
- Sebald W.G. Schwindel. Gefühle. – Frankfurt a. M.: Fischer, 1994. – 299 S.

References

- Kafka, F.* (1991) Prigovor. In: Kafka, F. *Zamok: Roman; Novelly i pritchi; Pis'mo otcu; Pis'ma Milene*. Politizdat, Moscow, pp. 282–292.
- Kafka, F.* (1998) *Dnevnik*. Agraf, Moscow.
- Kafka, F.* (2018) *Pis'ma k Felicii. Pal'mira*, Saint-Petersburg. <https://www.litmir.me/br/?b=12887&p=61>
- Ril'ke, R.M.* (2000) *Zapiski Mal'te Laurdisa Brigge: Roman*. Azbuka, Saint-Petersburg.
- Smirnov, I.P.* (2000) *Megaistoriya. K istoricheskoy tipologii kul'tury*. Agraf, Moscow.
- Frejd, Z.* (1990) *Vvedenie v psihoanaliz. Lekcii*. Nauka, Moscow.
- Adorno, T.W. (1977) *Aufzeichnungen zu Kafka*. In: Adorno Th.W. *Prismen. Kulturkritik und Gesellschaft*. Bd. 10.1. Frankfurt a. M., S. 255–273. <https://ru.scribd.com/doc/80494294/Adorno-Aufzeichnungen-zu-Kafka-GS10-1>
- Anz, Th., von, Pohlmann, O.* (Hrsg.) (2006) *Psychoanalyse in der literarischen Moderne. Eine Dokumentation*. Bd. 1: *Einleitung und Wiener Moderne*. Marburg.
- Blum, L.* (2017) «Ein Sohn nach meinem Herzen». *Kafkas Das Urteil im Diskursfeld der zeitgenössischen Goethe – Nachfolge*. In: Jahraus, O., von, Neihaus, S. (Hrsg.) *Kafkas Urteil und die Literaturtheorie. Zehn Modellenanalysen*. Reclam, Stuttgart, S. 176–196.
- Groys, B. (1995) *St-Petersburg – Petrograd – Leningrad*. In: Groys, B. *Erfindung Russlands*. Hanser, München, S. 167–179.
- Kafka, F.* (1976) *Briefe an Felice und andere Korrespondenz aus der Verlobungszeit* / Heller, E., von, Born, J. (Hrsg.). Fischer, Frankfurt a. M. – 782 S.
- Matt, P., von.* (1997) *Verkommene Söhne, missratene Töchter. Familiendesaster in der Literatur*. München.
- Moretti, F.* (2016) *Distant Reading / Aus dem Englischen von Ch. Preis*. Konstanz univ. press, Konstanz.
- Sebald, W.G.* (1994) *Schwindel. Gefühle*. Fischer, Frankfurt a. M.